

ГЕОГРАФИЯ ПЕРЕВОДА. БАЛТИЯ

Ояр Вацietис

EXLIBRIS ЭКСЛИБРИС

Ояр Вацietис

Эклибрис

НП «Центр современной литературы»

Вацietис О.

Экслибрис / О. Вацietис — НП «Центр современной литературы»,

ISBN 978-5-91627-110-2

«Поэзия Ояра Вацietиса (Ojārs Vācietis, 1933–1983) – это проекция общего поэтического процесса с пятидесятих по восьмидесятые годы. Трудно сказать, насколько Вацietис улавливал и исполнял продиктованную временем необходимость, насколько – сам порождал этот процесс, ведя за собой почти всех поэтов этого периода» (Г. Берелис). «Не я придумал поэзию, это она придумала меня» (О. Вацietис). «Улдис Берзиньш, скажем, историк, а Янис Рокпелнис – музыкант. Я назвал бы призвание Ояра – понимающий» (С. Палабо).

ISBN 978-5-91627-110-2

© Вацietис О.
© НП «Центр современной литературы»

Содержание

Антрацит	6
Путь	6
Антрацит	7
Серого цвета	10
Прийти	12
Сон о войне после войны	13
Зов севера	16
Густая краска	17
Миг	18
Мельник уходит	19
Покой	20
Время сирени	21
«Меня отыщешь синей лунной ночью...»	22
«Береженого бог бережет...»	23
«В конце непопулярной улицы...»	24
Сделай	25
«Листопад, диктующий условия...»	26
Я сажаю дерево	27
Правописание молнии	28
Войдем в это лето	28
Всё впору	31
«Есть у меня дикорастущего...»	32
«Мне доводилось...»	33
«Как перелетные птицы...»	34
Ожидание	35
«Отапливаемые центральным отоплением...»	36
«Чтобы я еще раз прыгнул в огонь...»	37
«Я рад...»	38
«Пальцы сплел я на затылке...»	39
Закрыты глаза	40
«У тебя дожди...»	41
«Буду любить тебя...»	42
«Покажи мне сторону...»	43
«Не плачь...»	44
Тебе	45
«Твои слова меня...»	46
Си минор	47
«Хоть бык недоенный ревет...»	47
Доброе утро	48
«Кто рано встает, тому Бог дает...»	49
Разденем еще одну	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Ояр Вацietис Эклибрис

Нельзя не обратить внимания на ярко выраженную космичность Вацietиса. Он в равной мере понятен и латышу, и русскому, и... (больше ни за кого не решусь поручиться) – и в то же время одинаково чужд нам всем. Как конкретная реализация мирового духа, Вацietис – поэт, бесспорно, латышский и никакой другой, но он не принадлежит полностью ни своему поколению, ни Латвии в целом не столько по праву гения служить всему человечеству, сколько по свойству айсберга скрывать под водой пять шестых своего тела. Людмила Азарова-Вацietисе как-то сказала, что Ояр – это тот случай, когда в одном человеке действительно семь «Я». Легко сообразить, что при взгляде на правильную семигранную призму или пирамиду видишь не более четырех боковых граней...

Антрацит Antracīts, 1978

Путь

К чему бы я ни шел,
я иду пешком.

Я ведь хочу прийти,
вовсе не –
появиться.

Вне верст усталых.
Вне снов одиноких.
Вне встреч с собой.
Вне тоски
по тебе.

Я ведь хочу зайти,
вовсе не –
заявиться.

Вне расстояний.
Вне обочин.
Вне звука шагов,
твердящих
непроизносимое.

Да, я стоптал немало
подметок,
но не затоптал ни одного
человека.

Антрацит

1

Проехала машина
с каким-то там углем...

Я всю жизнь нет-нет
да и вспомню
ту машину с каким-то там углем.

Я изжаждался по одиночеству,
и я встретил
одиночество ночи в черной накидке.

Одиночество порою необходимо,
но я захлебнулся им
и начал тонуть.

По одиночеству
может идти лишь умеющий плавать.
Мне было позволено
лишь пригубить...

Но тут прошла
машина с каким-то там углем.

2

Нет, не пройти мимо
// того антрацита.

Не я эту
кучу вырыл,
та куча не станет мой дом
согревать.

Зато антрацит добыт
в точно таких же шахтах,
какие сам прорубал.

По точно такому же аду,
черному,

с блуждающими огнями,
за словом идут,
за поэзией
и за любовью.

И часто в местах добычи
на поверхность земли
выходит только глухой раскат.

Из черного колодца счастья
выносят самих углекопов,
и неподобающе черными,
с неподобающе светлыми глазами,
они выглядят
в полуденном солнечном блеске...

3

Вовсе я не из тех,
кто мог бы сидеть здесь с лупой,
однако сажу.
А у меня ведь еще инструмент есть –
// только спрятан внутри.

Так долго я здесь сажу,
что кусок антрацита
уже перерос Гайзинькалнс,
потом Эльбрус
и теперь, противно
поблескивая, как автоген,
выситя
над Гималаями.

Больше не сыщешь сходства
со стеклянной горой,
где конь золотой годится.

Ни с чем больше нету сходства –
того, что я ощущаю,
тоже не объяснишь.

Нет,
пока я не подобрался
к бесконечному,
но определенно ползу вперед.

Не то, чтобы я понимал

бесконечность,
однако вижу,
откуда растет антрацит,
и чувствую то, что положено,
глядя на звездные пляски...

Что-то в них от меня самого,
так же, как в черном
искрящемся антраците
или Млечном пути,
научиться ходить
по которому пока невозможно.

Серого цвета

Я превратился
в одно-единственное серое око:
из серых луж
пьют серые голуби;
серый дождик
серые лужи
вгоняет в серую дрожь;

на горизонте
из серых башен
серая клякса...

Серый туман,
клубясь, наползает,
как пепел пожарища...

Я превратился
в одну-единственную серую ноздрю:
ворсинки шарфа
меня щекочут –
как в двигателях сожженный бензин;
серые пятна
на досках лесов –
как будто плотник прошелся;
запах гари –
вчера в этом городе
день загорелся, скроенный наспех,
и я в это
серое утро
// вчерашний угар вдыхаю.

Он – старый солдат,
проснувшийся от всего только лишь
боли в костях,
ноющих к перемене погоды
в местах ранений,
которые многих на той войне выжгли
дотла, –
он тоже чует запах горелого.

Он – мчась по ступенькам –
еще выстраивает те формулы,
что заставят шататься фундамент физики,
скрепляя который,
сгорели многие, –

и снова воняет гарью.

И по всей квартире,
по всей улице,
по всему городу
паленого серый запах.

Я просыпаюсь
в час предрассветных сомнений
и по уши зарываюсь в серый и рыхлый пепел,
по которому мы ежечасно
и ежеминутно
бредем к своим
собственным радугам.

Мы каждое утро,
порядком еще не проснувшись,
влезаем в этот
вчерашний
густой серый пепел
и, почти не задумываясь,
трамбуем его,
превращая в асфальт на сегодня.

Прийти

Все выбираю – с какой стороны
войти, возвращаясь, в Ригу?
И еще – в какую –
бодрую или сонную, в лучах солнца
или лучащуюся огнями?

Это ведь важно – как войти.
Таким образом,
как именно того хочется,
чем именно дышится –
травой луговой или же
сеном, алый ты
мак или камня холод.

Такое богатство – когда есть из чего
выбирать среди
отсутствий и расставаний,
щекочущих спину
жарких мурашек,
когда Рига входит в сон миражами.

Тогда неважно – сладким ли, горьким,
лишь бы – пробиться
туда, где сердце прописано –
пролиться дождем
или кротом прорыться.
Это, похоже, единственное, к чему
никак не привыкну.

Сон о войне после войны

Ах, вы,
сны о войне,
о войне после войны,
так долго не шли вы,
а теперь идете,
так неоспоримы,
как родимые пятна,
по телу живому
с кожей выжженная печать.

Ах ты,
войну по-другому видевшая
и меня сейчас
ежесекундно видящая,
следом за мной идущая,
зачем тыходишь
в сон этот,
мне одному устрашающе свойственный,
так, как свойственны
остальным язва и головные боли?

Ах ты,
вечное возвращение назад,
несгибаемо честное,
неважно
день ли, ночи ли черный деготь.
Ах ты, запретная невозвратность,
аистовая трясина
домой зовущая,
// из совестей совестливейшая –

Ах ты, непроглядная ночь,
ах ты, шлюха,
мальчишкам и бандитам,
ах ты, автомобильчик,
не газик, не грузовик,
из тех машин,
что мы изобретаем
во сне.
Ах ты, дорога,
сквозь черную ночь,
с вырубленными огнями,
лишь по наитию.

Ах ты, езда

через тот лес,
что никому не объехать.
Ах ты, непоправимое,
что может случиться
спустя мгновение или два.
Ах ты, трос,
что, должно быть, натянут
за поворотом.
Ах ты, выстрел,
столь неожиданный,
что глазом и не моргнешь.
Ах ты, рука моя,
пустая
против той,
в которой оружие.
Ах ты, оружие,
когда тебе хочется, ты
// блюешь свинцом.

Ах ты, чувство,
в котором и страху-то,
что капля воды
на ведро молока,
но все же мутит.
Ах ты, великое бессилие,
жуком о стекло
до головокруженья,
против случая не попрешь.
Ах вы, высиженные бессильем
вши-мурашки,
ползущие по спине.

Ах, влажный ужас
отчаянья,
когда они станут мучить тебя,
войну по-другому видевшую,
как они смеют тебя –
нездешнюю
здешние...
Ах, беспартийные стоеросовые дубы,
для вас едины
пропасти страсти
и преступления...

Ах вы,
сны о войне,
о войне после войны,
у вас свой заграничный паспорт
для путешествий во мне,

и мои пограничники
не имеют вас прав задержать,
// есть чья-то виза в том паспорте.

И кто посчитается с тем,
что моей визы
там нет
и не будет.

Зов севера

Как так –
не стремиться на Север?
Кто бы к чему ни призывал,
но может ли дитя
не стремиться к речи,
может ли цветок не быть
цветостремительным?

Ведь там в мерзлоте
лежат мои мамонты,
ведь там мои штурманы
мерзли и замерзали.
Север это вам не ремесло,
не экскурсия,
для меня он как для компаса –
краеугольный камень.

Как и северное сияние,
доверие не разрубишь
на части
и с любви не получишь сдачи
или размена,
один-единственный раз
будешь оставаться безучастен
к зову ближнего –
// по смерти.

Избыток жидкости вымерзает –
даже слезы,
наши жилы здесь
скручиваются
перекрестно,
парсеки космоса съеживаются
и облезают,
чтобы дошло, наконец,
как это все-таки меж людей
честно.

Густая краска

Я топаю в самой гуще
по магазину,
по рынку,
в кино на поганый фильм –
мне нужно густую краску.

К черту прозрачную акварель.

Мне нужно краску
грязную,
глинистую –
писать тяжелого человека.

О которого пачкаются
глаза и мысли.
Который сам
в помоях из чаши жизни
крепко увяз
и липнет к нашим подошвам.

Но глаза видят,
мысли бегут,
планета вращается,
и нашей походке
пока еще присуща легкость косули.

Потому-то нельзя мне
тяжелого человека писать
легкой краской –

господи, так ведь недолго
зажильить
центнер-другой.

И вот я топаю
за плотной краской –
писать тяжелого человека,
его значительность,
его беспомощность,
нашу нежность
и нашу силу.

Миг

Был на лице, мелькнувшем навстречу,
изысканно странный рисунок замечен...

И на пути, к горизонту ведущему,
все становится проще
и лучше.

Вечер, что прежде был хмуро насуплен –
теперь светлячками
зелеными сыплет.

Так.
возьми и дай мне,
пылинке скучной,
летучую, как небо и запахи,
душу.

Сползает с вершин твоих льдов пелена
и можно увидеть
улыбку вечности.

Я наверху.
Сфокусирован на
ангельском вечере, мной не замеченном.

Дьявольский вечер,
вот выются по ветру
по-над Ригой башни
// тройками.

А был единственный –
не забыли –
изысканно странный рисунок из лилий.

Мельник уходит

К вечеру мельник белый весь
в муке с головы до
ног.

И облаком улетело все
то,
что смолото в срок.

И стол еще теплый
от хлеба и неба погасших
войн.

И мельник растапливает печь
и молча смотрит
в огонь.

Эй, а ну-ка, тише пусти коня
мимо мельника,
который смотрит в огонь.

Но не останавливайся, ни всадник, ни пешеход, –
как бы ты сам не начал смотреть
в огонь.

Там, понимаешь ли, знают без тебя
время призвать своих
заглянуть
в огонь...

Покой

Я искал покоя
по всей комнате,
залезал под диван,
ворошил старые книги
и разобрал телевизор.

Но я же пристраивал его,
стараясь
оставить под рукой
на всякий
пожарный!

Чтобы не сгнил,
не достался мышам
и юным натуралистам,
эти препарируют сразу,
ну а кому тут нужен покой
с худым животом?

В данный момент
я отклеиваю марки
от старых конвертов.

Иногда под ними что-нибудь есть.

Время сирени

Давай я проведу тебя
сквозь
триумфальную арку сиреней,
процедим сквозь нее
нежную розу майских
рассветов.

Я не любитель букетов –
нет вазы проще и откровенней,
нет более пьянящего
напитка, чем этот.

Давай напьемся им до
обнаженности душ
и дыханий,
а после умоемся грозой,
цветущей
с утра.

И мы определенно
станем такими нами,
которым уже больше незачем
умирать.

«**Меня отыщешь синей лунной ночью...»**»

Меня отыщешь синей лунной ночью
и вымолишь мне у сосны прощенье,
и, как туман, опасность рассосется
что в бритвах льда звенела под ногами,
как выводок холодных диких пчел.
Меня под ветром из кусочков сложишь
на бесконечно сером поле снежном.
Мы в этой жизни и по смерти вместе,
тот, кто спешит, в отставшем остается,
чтобы по нам сквозь васильковый пепел
взошла тоски горячей синева,
в которой любят кувыркаться черти,
когда едва родившийся слепой комочек вдруг
пару васильков ко лбу приложит
и видит, что в высоком небе сотни
пылающих хвостов обращены к земле.

«Береженого бог бережет...»

Береженого бог бережет –
перед мертвой птицей
я обнажаю голову.

Быть может, ее убил голод
в тот час, когда я
доедал свой завтрак.

Быть может, мороз
в тот час, когда ты
натягивала перчатки.

Само собой, я тут вообще
ни при чем, –
береженого бог бережет,
так или иначе, Он смотрит.

«В конце непопулярной улицы...»

В конце непопулярной улицы,
на невоспелом углу,
на неприметном дереве
сгрудились птицы,
отправляясь на юг.

В их измученных
силуэтах
прочитывалось тяжкое бегство
от морозов.

В желтые листья выпал
к корням
рябины
их певчий корм.

Горьким соком
обагрёнными ягодами
дерево договорилось с птицами
молча.

И сказало –
пусть они пьют, клюют, хватают, тащат...

Ведь их путь не
пройден и наполовину.

И птицы молча брали
ягоды по
// половинке.

В конце непопулярной улицы,
на невоспелом углу,
под неприметным деревом
я постучался
в твою
незаметную дверь.

Сделай

Заряди в магнитофон
ленту с воем волков –
побежит косуля.

Стяни с небес истребитель –
стань магнитом.

Проверти пальцем
дырку в плоском камне –
мельничный жернов.

Собери крылья мертвых бабочек,
пусть к детям сны
цветные придут.

Обвейся цепко вокруг оси
земной –
будешь хмель.

Но прежде всего протри глаза,
чтобы замечать,
подверни рукава, чтобы делать.

Как сказал мудрец –
необычное
начинается с простых манипуляций.

«Листопад, диктующий условия...»

Листопад, диктующий условия,
в лихорадке осени раскис.
Снова телефон исходит кровью,
бес полночный снова крутит диск.

Я, как волк, луною загнан снова,
рыщущий, голодный, жадный снова,
и тебе в глаза смеюсь я снова,
синий голый лед холодных снов моих.

Телефон всего нежнее в полночь,
и цветы, что мне терпеть невмочь,
так бесстыдно пахнут только в полночь.

И да – к черту, тихая святая ночь!

Возвращаются к корням своим деревья
и текут к своим истокам реки вспять.
Телефон опять в полночном гневе...

Нет, не телефон –
земля в осенней лихорадке
перелетных птиц устала звать.

Я сажаю дерево

Памяткой о дикарях я
его сажаю,
на память о
гибких, жонглирующих
лентами дыма кострах я
сыплю
землю к его корням.

Тотемом своего образа
мыслей я
его высаживаю.

Пройдут века
и меня в них не будет,
пройдут века
и никто не станет делать
того, что делал я.

Но я это делал.
И если далекий потомок
возьмет вдруг и спросит:
– Да что это – дерево? –
то под землей вздрогнет
мой прах.

Ибо он будет призван.

Я сам, пока еще жив,
спрашиваю себя раз за разом:
// – Да что это было? –

О том, что сам всего
мгновение назад уничтожил.

Осенью этого года Вацietису исполнился бы 81 год. Как между Землей и спутником, обращающимся по дальней орбите, расстояние между ним и нами за последнее время существенно не изменилось. Почти не меняется и сам характер взаимодействия, хотя уже начали сбываться некоторые из его пророчеств, а многие строчки, напротив, безнадежно устарели. Важно другое. Давно замечено, что в маленькой Латвии имеет место следующий математический факт: почти для каждого рода человеческой деятельности либо найдутся один-два человека, обычно хорошо известные, закрывающие его полностью, либо эта деятельность вообще никем не поддерживается. У Ояра, как высокопарно это ни звучит, в графе «род занятий» было написано: совесть нации...

Правописание молнии Zibens pareizrakstība, 1980

Войдем в это лето

Давай войдем в это лето,
вечное лето,
что было прежде леса и ветра,
что было и грело
предкам руки,
в мозоли
одетые.

И сложим каждый свое тепло,
тепло заячье
и тепло речное
с теплотой человеческой –
как мы без слов условились
ночью черемухи
на мосту столетий.

То, о чем там условлено,
без слов условлено,
есть призвание
твое и суть;
и всеми голосами
твоему кворуму
сделка на мосту повелевает:
будь!

И мы сотрем паутину,
рутины патину
вдвоем на пороге,
чисты и просветленны
в лето войдем

трепетно, как
если бы нас ожидали
боги.

Вечное это лето –
божественно,
взгляни,
как облако реет гордо,
войдем с тобой,

вольный мужчина
и вольная женщина,
а вовсе не гонимые алчбой
оторвы.

II

Алчбой гонимые перекаати-поле, оторвы,
доля их жизнь или кошелек.
И не облачные нимбы реют гордо,
но ореол мученика,
уготованный лету.

И, стоит мне молча
трусливо
позволить
всем этим лес жечь,
зверя бить,
воду мутить,
то уже и нами
не рожденным
детям по золе к лету
// своему придется ползти.

Лето ждет
тенью мертвой, саваном
черемухи
над падью в омуте.
– Надо бы,
надо бы вам наскрести вот
столько
жалости, чтобы
обо мне вспомнить!

III

Мое лето,
вечное лето
пра- и прапрадедов,
пра-, прапрабабушек,
правнуков, правнучек,
океан безбрежностей
моих, ты
вечное лето,
не смей о смерти!

С тобой умрут
все былые, грядущие, сущие
нежности.
И у земли разорвется
сердце.

Всё впору

Ребенок и голубь.
Охота.
Попусту – знают оба.

Мне впору такая охота.
Мне всё впору.

Яркая оплеуха солнца
на ящике мусорном.
Впору.

Не знаю,
куда их суну,
но впору тот запах,
тот шорох,
что воровато лезет мне в ноздри:
– Знаешь, а снег тает. –

И та, уходящая
вдаль аллея с вечностью
заподлицо.

И даже вечность,
что через дорогу бережно дедок
несет как яйцо.

Всё впору.
Вот-вот мне придется сотворить мир.

А у меня, как назло, пока нет
ни запаса пиломатериалов,
ни тех семи дней,
что были у Бога.

«Есть у меня дикорастущего...»

Есть у меня дикорастущего
злака свобода
посреди этой ночной пустыни.

Корни рвутся
к подземным истокам,
голова – сквозь облако.
У ног –
озаренные звездами простыни.

Есть у меня неприрученного
зверя свобода,
посреди полночного города.

Одни тени заставляют
бесшумно красться
по-кошачьи,
другие огни заставляют
затаиться в тени
по-тигриному,
третье чувство восторга –
стрижом выстрелить в воздух.

У меня свобода,
у меня естественный
собственный ритм.
Я подстроил сердце
к этому ритму,
чтобы безжалостная
вселенная, проснувшись,
// чужого не навязала.

Нет, мир не так уж плох –
просто он по-отцовски
испытывает мою стойкость.

«Мне доводилось...»

Мне доводилось
не соединяться и не смыкаться,
но –
коротко замыкаться,
и тогда расплавляются
контакты
и – мое время сгорает, в то
время как нам с тобой нужно
быть единым целым.

Это не от невнимания,
но – от спешки,
от страха задержаться
и быть задержанным.

Стало быть, не из-за апломба,
а нашего спокойствия ради
я в каждом
новоприбывшем
мерю токи крови.

Нет ничего опасней
когда двоих вдруг
закоротит.

«Как перелетные птицы...»

Как перелетные птицы
туманной весной
к руинам
в несуществующую больше Елгаву
все же вернулись,

так сегодня,
вчера
и завтра куда-то возвращаются
люди.

Как перелетные птицы –
с печальными песнями,
звонкими
или глухими,
к руинам возвращаются
люди.

Сегодня,
вчера ли,
завтра –
стыдясь
своей птичьей доверчивости,
возвращаются
люди.

Я тоже,
бывает,
курлычу, как перелетная птица,
мой крик печален –
кто знает,
может, я возвращаюсь
к руинам?

Ожидание

Над черной тушью
речной уснувшей
я жду, что начнется пахота,
и журавлей,
которым давно бы пора
быть на суше.

Я жду серебряного пара
полей
и серебристого
жаворонка.

Жду упорно, наверняка,
и от этого делаюсь тонок,
как стебель
той земли,
на которую едва смел
выползти,
но в которую войду
смело.

Я верю,
что, приходясь сыном ей,
не солью или алмазной
жилой,
бываю трава-мурава
и бываю –
прель,
но почти никогда –
// не выжига.

Я кровью и плотью
ей принадлежу,
надеждами
и наваждениями,
над черной тушью
речной уснувшей,
я в ожидании еще одного
своего рождения.

«Отапливаемые центральным отоплением...»

Отапливаемые центральным отоплением
никогда не бывают согреты,
как нужно –
где только можно,
когда только можно,
они разводят костры,
и плывут, плывут
в этом живом огне,
и смотрят, смотрят
застывшими глазами
в этот живой огонь,
с ностальгией,
с эмиграцией
в этих застывших глазах.
Господи,
пожалей их, они так красивы.

В разжигании огня
есть свои первоклассники,
гимназисты,
магистры,
академики,
мэтры и подмастерья,
но нет несогревшихся.

Разводят огонь
чем угодно
и, в общем, всюду,
он хорош для всего:
варить еду,
сушить одежду,
сунуть руку
и клясться.
Это уж как когда.

«Чтобы я еще раз прыгнул в огонь...»

Чтобы я еще раз прыгнул в огонь –
зарекаются обгоревшие,
стонут и стенают ночами,
отрашивая новую кожу
в невыносимой борьбе
с нешуточной болью,
и невообразимая
эта борьба без конца,
нескончаемый этот плач,
а также ужасные ожоговые раны
докучают.

И – едва боль проходит –
ты бросаешься на поиски
еще какого-нибудь
огня.

«Я рад...»

Я рад,
что тогда ошибся,
и то, чего я боялся,
вышло зверью на пользу.

Я боялся
тех красных ягод
на снегу
и выше –
в стеклянных сучьях,
ибо, будучи человеческой породы,
я видел там
капли крови...

И –
как стынущей красной
картечью стволы набивает
голод...

И голодная птица
стынет, превращаясь
в ледышку...

Оказалось –
красные капли
на снегу
и выше, в стеклянных сучьях,
и есть те самые угольки,
у которых любая птица
может греться
// до весны,
пока я не вышел
жечь и палить повсюду
мои костры зеленого цвета,
несущие, отцветая, красные угли
жизни.

«Пальцы сплел я на затылке...»

Пальцы сплел я на затылке,
под небесным синим душем
самого себя придумал.

За Двиной в садах укропа.

Зонтики античной вязки
кружева плели над нами,
тени стройные бросая.

За Двиной в садах укропа.

Бабье лето резким светом
письмена укропных кружев
мне на коже выжигало.

За Двиной в садах укропа.
Так, расписанный по брови,
сам собой я был прописан

и по новой переписан
за Двиной в садах укропа.

Закрты глаза

Закрты глаза, и поезд идет обратно!..

Ты. Билетная касса.
Ты. Трамвай до вокзала.
Ты. Чемодан. Собираешься.
Нет. Дальше!

Прошлый новый. Год.
Позапрошлый.
Нет. Дальше!

Выбегаешь в одной сорочке.
А мимо
настоящий красивый
пахнет первым бензином.

Тебе страшно,
что всё – понарошку.

Ты спряталась в ивах,
Все равно страшно.

Ты летишь, вцепившись
в крылья бабочки.

Тогда были
такие большие бабочки.

И, стоя на ровном месте,
видишь лишь
щемяще зовущие пропасти.

Открыты глаза, мчит поезд на всех парах...
Но, стоит закрыть,
то опять обратно.

«У тебя дожди...»

У тебя дожди.
У тебя –
я знаю – дожди.

Я иду по сухим пескам,
жарким настолько,
что подошвы горят,
жарким настолько,
что высыхает взгляд
и у тех, что плакали,
белая соль в глазах...

И жар в этих
соленых глазницах.

У тебя же
грибные дожди,
я знаю – грибные дожди,
иначе откуда
взялась бы эта радуга между
нами?

«Буду любить тебя...»

Буду любить тебя
в желтых соцветьях,
спрячу тебя
в желтых соцветьях
от желтых зрачков
кота лесного,
от мертвой иволги желтой
спрячу.

Белую, белую тебя спрячу
от пожелтения
и рассеяния
ветром желтым.

Любимая,
буду любить тебя
в желтых соцветьях!

«Покажи мне сторону...»

Покажи мне сторону,
где закат живет.
Наглухо заделаю ее,
мне бы не хотелось,
чтобы солнце село.

Бега тонких стрелок
мне бы не хотелось.

Пульс такую
резкую выбивает дробь,
из календарей,
из часов-минут выбывает время.

Время это кровь.

«Не плачь...»

Не плачь.
Ты соснам моим над обрывом подмыла корни.
Хватит.
Уже и вода зацвела корягами черными.
О них
разбивается круглое лунное блюдо.
А те,
что промышляют орехами на берегу,
в омуте, полном
коряг, купаться не будут.
Не плачь.
Пока что.

Тебе

У меня есть щемящее, щемящее чувство,
что вселенная, в которой я обитаю,
много раньше твоей может быть разрушена.

Никто не спрашивал – так уж вышло,
ты же да не останься одна и грустна –
море нежности из берегов не вышло.

Тем уже, что случилась ты у меня,
век мой оправдан, свят и солнцем пронизан,
и я перед ним смиренно склоняюсь.

Спокойно протягиваю смерти руку,
ведь наша близость близкого ближе,
что всё одно исключит любую разлуку.

«Твои слова меня...»

Твои слова меня
влекут, словно
волны, вплавь
в мистическом свете
Луны –
в них весомость, в них невесомость, и
память скользит вдоль ресниц снежной
совой, я застыл на месте, а ты меня
несешь и несешь еще и еще...

Твои слова меня
обжигают, как клекот поленьев иззябшие
руки решившего клясться, отогревают
их для восхождения, сдирания кожи, я
должен быть на вершине, где встала,
лавиной застыв, и зовешь, и зовешь еще
и еще...

Твои слова меня
ранят, словно шипы ладонь без
перчатки, я бьюсь о них птичьей грудью
жемчужной, скоро по ней прольется
оранжевый жемчуг, ведь слова эти
рвут, продираясь к кровному братству,
пожалуйста, рви меня, рви еще, и еще, и
еще...

Но глубже всего пред тобой меня
заставляет склониться до самой земли
та тишина между слов, та нагота
между слов и то, что позволено мне в
обнаженности этой до боли счастливой
застыть, ожидая – что же еще, что еще и
что еще...

Богам трудно общаться с людьми без посредника: у нас слишком разные системы отсчета. К тому же боги стремятся сказать всё сразу, не указывая адресата. Вот и сиделся один человек каждое утро к окну, и, раскрыв школьную тетрадь в клеточку, приступал к расшифровке высочайших посланий, пытаюсь понять, что именно адресовано нам, а что – Альфе Центавра. Как всякому истинному ученому, Ояру присуща мягкость, граничащая с гетевским всепрощением («тот, кто нас однажды понял, сможет нас простить»). Это не ложно понятая объективность, а результат необходимого остранения объекта изучения. Поэтому даже категорический императив преподносится им в форме напоминания. Впрочем, за это отчуждение от других в конце концов приходится платить – отчуждением от себя самого...

Си минор Si minors, 1982

«Хоть бык недоенный ревет...»

Хоть бык недоенный ревет.
Хоть ноги обжигает лед.
Хоть мрак смел в сердце окопаться.

Хоть точит слезы береста.
Хоть точит лясы высота.
Хоть враг мой сел со мной брататься.

Хоть губы и сулят приют,
но руки плоть пустую пьют,
хоть не стремятся опускаться.

Хоть смерть и та у нас одна.
Хоть жизнь на век лишь раз дана.

Осмелюсь я не испугаться.

Доброе утро

Здорово, река!
Здорово, коряга старая!
Здравствуй, в реке не живущий рак!

К лицу ли мне, темному,
ясное завтра?

Я пока еще сумеречен.
Я не знаю пока.

Еще не отдраена
вчерашняя копоть,
еще не вычищен
дорожный плащ,
еще по-прежнему плачут
недавнишние сироты...

Я пока что сегодняшний и вчерашний.

Оттого я так рано поднялся
прибраться
во вчера и в сегодня,
что бы в мое
время
поспеть вовремя.

Время не знает жалости.
Время карает своих должников.

С ним не шути.

«Кто рано встает, тому Бог дает...»

Кто рано встает, тому Бог дает.

Этой ранью ты и сам ранний.
Этой ранью ты и сам
светом ранен.

Затянувшийся было век всё
тот же,
но подтянут
и весь на грани.

Смерти нет.
Ели пахнут свадебными венками,
и лаской сочится
утренний
дождь.

Встречайся с собой лишь
ранней ранью в тиши,
чтобы не изувечить,
не проворонить,
не выплеснуть вместе
с пеной.

Такой покой
ранней ранью
на почте души,

хотя уже распакованы
письма иных
вселенных.

Разденем еще одну

Разденем еще одну осень,
посмотрим,
что там внутри.

Голубые мечты.
Голубые тетради.
Опять пора в школу?
Голубое небо.
Разве я там еще не был?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.